

18+

СБОРНИК
РАССКАЗОВ

БРАТЯ ЮТ

ФАЗЫ СНА

Братья Ют Фазы Сна

*<https://litres.ru/74249542>
ISBN 9785007049450*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Вы помните свои сны? Порой они кажутся слишком реальными — и словно... чужими. За закрытыми веками оживают голоса на забытом кладбище. Затопленное озеро таит дверь в никуда. Полёт обрывается выстрелом, а в звенящей тишине звучит одно-единственное слово: «прощаю». «Фазы сна» — это тринадцать рассказов, тринадцать попыток вырваться из плена сновидений. Кто-то из героев обретёт свободу, другой встретит смерть. И лишь немногие узнают ответ на вопрос, который боялись задать.

Содержание

ПРОЛОГ	5
БЕЗ СЛОВ	8
ВО ТЬМУ	21
ОТТЕНКИ	42
ОСТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ	50
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Фазы Сна

Братья Ют

Дизайнер обложки Армен Унанян

© Братья Ют, 2026

© Армен Унанян, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4945-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Дата: 15.01.20__ г.

Местоположение: [не указано]

Исполнители: старший научный сотрудник «Филин», младший научный сотрудник «Сыч».

Примечание расшифровщика:

[Голос Филина — старческий, хриплый. Голос Сыча — молодой, раздраженный. Фоновые шумы не позволяют идентифицировать других лиц]

Начало записи

Филин: Раз, раз... Запись идет? Да? Хорошо.

[Пауза. Шумно выдыхает]

Филин: Итак, серия практических экспериментов с химическим составом. Рабочее название «С-15. Портал». Задача: выявить устойчивую формулу, корректно действующую на префронтальную кору головного мозга Homo Sapiens. Обязательное условие: сохранение мозговых функций, отсутствие нарушений секреторной деятельности.

Сыч: *[перебивает, голос напряженный]* Дополнительное условие: сохранение сознания объекта. Восстановление психического состояния для последующего возвращения в социум.

Филин: *[торопливо]* Принято. Для протокола: объект номер 03, особь женского пола. Возраст: 19 лет. Диагноз: пограничное расстройство личности.

[Звук переключивания ампул. Короткий металлический щелчок]

Филин: Исполнители: Филин и Сыч. Вводим десять кубических сантиметров С-15 внутривенно, болюсно. Последующая диагностика — по стандартному протоколу, мониторинг жизненных показателей непрерывный.

Сыч: *[хмыкает, тихо]*

Филин: Что-то не так? Прогноз по результатам... прогноз...

[Шорох бумаги, неразборчиво]

Сыч: Вероятность стабильной реакции — 64,7 процента.

Филин: Спасибо. Более чем достаточно. Начинаем.

[Звук нажатия клавиши. Глухой удар — возможно, открылась дверь. Тишина, затем шаги]

Филин: *[сухо комментирует]* Ввожу состав.

Сыч: *[тихо, быстро]* Давление 120 на 70, пульс 82.

[Слышен характерный звук инъекции — короткое шипение поршня. Тишина. Около пяти секунд]

Филин: Реакция?

Сыч: *[с заминкой]* Зрачки симметричные, реакция на свет есть.

Филин: Объект, вы меня слышите?

[Пауза три секунды. Тишина]

Филин: Повторяю. Вы меня слышите?

Сыч: *[тише]* Реакции нет. Глаза открыты. Дыхание ровное. Как будто...

Филин: *[резко]* Не надо «как будто». Показатели ЭЭГ?

Сыч: Альфа-ритм исчез. Замещение... низкоамплитудной активностью. Я такого раньше не видел.

Филин: Принято.

Сыч: Дальше по протоколу?

Филин: По протоколу. Но запись отключить.

[Щелчок. Короткий шум. Запись обрывается]

Конец записи

БЕЗ СЛОВ

Кладбище не терпит суеты.

Сегодня надо выкопать три могилы. Три колыбели для тех, кто больше не увидит рассвета. Кто-то уходит в мир иной от старости, другие — из-за болезни, а третьи просто по воле случая. Артем гонит эти мысли, но они, как всегда, цепляются за ноющее сердце.

Он привычно берется за лопату. Работает ритмично и размеренно, удар за ударом, словно отбивая такт. Комья земли отваливаются, обнажая темную влажную глубину.

Серый рассвет едва пробивается сквозь низкие тучи, окрашивая кладбище свинцом. Туман стелется между могилами, накрывая их вуалью, скрывая тайны ушедших. Артем всегда начинает работу в пять часов утра. В руках потемневшая от времени лопата с чуть потертой рукояткой. На плечах рюкзак, промокший от утренней росы.

Воздух пахнет влажной землей и прелыми листьями, со слабой примесью чего-то древнего и вечного, будто само время осело здесь пылью на каменных плитах. Изредка кричат вороны, и их недовольные крики эхом отдаются в тишине, нарушая окружающий покой.

Артем работает сосредоточенно, как в трансе. Движения отточены временем. Он чувствует, как сделать яму ровной, аккуратной, почти уважительной. Да и не просто яму, а

последнее пристанище. Для него каждая могила это нечто большее. Это возможность проявить уважение к тому, кто уже не может поблагодарить.

Здесь не нужно слов — только руки, умеющие копать, и сердце, способное помнить.

Лопата вновь вонзается в землю, и Артем на мгновение замирает, прислушиваясь к себе. Где-то глубоко внутри шевелится странное чувство — не горечь и не злость. Он не знает, справедливо ли все вышло, но понимает, что именно здесь, среди могил, нашел то, чего не мог отыскать в шумном мире за оградой. Настоящий покой.

Туман, наконец, понемногу рассеивается, и лучи солнца рвутся сквозь тучи, бросая длинные тени. Артем смотрит на две свежие могилы. Время передохнуть.

Каждое утро он приходит поздороваться с Андреем. Мраморный памятник с овальным портретом, неувядающие гвоздики, кованая ограда. Памятник строгий: темный мрамор с тонкой серебряной окантовкой. На портрете Андрей всегда улыбается вопреки смерти. Артем помнит его смех, но никак не может припомнить, когда сделано фото.

«Андрей», — хочет сказать он и не может вымолвить ни слова. Его друг. Его коллега. Человек, погибший по нелепой случайности. По вине системы, где человеческая жизнь стоит дешевле мешка цемента.

Артем молча гладит холодный камень. Иногда, когда особенно тошно, ему кажется, будто Андрей все еще рядом. Что

вот сейчас встанет за спиной и хлопнет по плечу. В эти мгновения Артем почти слышит голос, такой живой и настоящий, что ненароком хочется обернуться. Но позади — лишь тишина кладбища.

Пальцы касаются мрамора, задерживаясь на дате. Короткая строка: два числа, разделенные тире. Всего несколько цифр, но за ними целая жизнь. Школа, служба на флоте, болезненный развод. Смех, мечты, планы...

Он закрывает глаза. В памяти всплывают запах краски на стройке, скрип лесов под ногами, голос Андрея, напевающего какую-то песню. Артем так и не узнал, что это была за песня. Теперь уже и не узнает.

Он глубоко вздыхает, пытаясь унять боль в груди. Разговор с Андреем никогда не заканчивается. Каждый раз стоя у могилы, Артем будто заново проживает их дружбу, службу, работу. И тот роковой день... Он находит в этом какую-то горькую необходимую опору. Несмотря ни на что, чувствует, что его друг все еще здесь. Не в камне, не в земле, а в сердце. В их общем на двоих молчании.

Тогда, на стройке, все казалось таким простым. Большой проект, дамба, что должна была защитить городок от беды. На деле же — символ алчности и коррупции. Деньги крутились огромные, и каждый хотел урвать кусок побольше.

Стройка раскинулась: бетонные блоки громоздились штабелями, краны торчали, как гигантские скелеты, а по утрам гудели моторы, перекрикивались рабочие. Поначалу Артем смотрел на все это с надеждой. Наконец-то в их маленьком городке появилось что-то масштабное, что даст людям работу, стабильность. Но очень скоро иллюзии развеялись.

Директор стройки, Олег Семенович, был мастером своего дела. Только не в строительстве, а в обходе законов. Улыбался так, будто весь мир ему обязан. Говорил правильные слова на камеру, умело жонглировал цифрами и обещаниями. Проверяющих подкупали — деньгами, подарками, обещаниями будущих контрактов. Материалы закупали худшего качества. Зарплаты урезали под предлогом «временных трудностей», а сверхурочные часы называли «добровольно-принудительными».

«Все стабильно успешно», — твердил Олег Семенович, поправляя галстук и улыбаясь в камеру на очередном этапе строительства. Его костюм всегда был безупречен, часы блестяли, а взгляд оставался холодным и расчетливым. Он видел не людей, а только цифры, сметы, проценты прибыли.

Артем и Андрей работали на внешней отделке. В тот день у Артема не было настроения. Сам не понимал, отчего, но хотелось все бросить и сбежать на рыбалку под предлогом простуды.

Они с напарником давно привыкли, что страховка выглядела хлипкой, а ограждений не было вовсе. Прораб каждый

раз махал рукой и говорил в шутку: «Да тут всего-то ничего, метров десять. Убьетесь, так не насмерть!»

Вот и работали привычно, спокойно и сосредоточенно. Андрей приглашал выпить вместе вечером пива, и все шло, как в любой другой день.

Артем потянулся за инструментом и услышал резкий вскрик. Андрей поскользнулся на плите.

Все произошло за доли секунды. Артем схватил напарника за край футболки, ткань натянулась. Он рванул друга на себя, но по инерции оба потеряли равновесие и полетели вниз.

В ушах звенело. Артем успел заметить лицо Андрея — на нем не было страха, только удивление, будто не мог поверить. Потом удар. Оглушительный и тупой, разрывающий все ощущения.

Артем сознания не потерял. Рядом неподвижно лежал Андрей. Глаза его были открыты, но он уже ничего не видел. Кто-то кричал, кто-то шумел, кто-то звонил в скорую. Серое небо над головой равнодушно скалилось, и капли дождя смывали следы трагедии с бетонной плиты.

Всего десять метров. Ничтожная высота в масштабах стройки, но целая пропасть в момент падения.

Андрей ударился головой о камень — мгновенная смерть,

без шансов. Звук был коротким, глухим, будто бросили мешок с песком на бетон. Он даже не успел вскрикнуть, просто обмяк, раскинув руки, и остался лежать в нелепой позе с запрокинутой головой. Кровь алой струйкой текла по виску, смешиваясь с дождевой водой.

Артем упал чуть удачнее, если так вообще можно сказать. Приземлился на бок, перекатился и впечатался в грудку щебня. В груди хрустнуло, нога вывернулась по неестественным углом.

Три дня он лежал без сознания между жизнью и смертью. Врачи делали прогнозы, ставили диагнозы, обсуждали варианты лечения. Однако Артем не слышал их разговоров. Припоминал потом только, как смутные тени мелькали вокруг, и иногда доносились обрывки фраз: «сотрясение», «перелом ноги», «несколько ребер», «стабильное состояние».

Позже он пришел в себя. Первое, что ощутил — боль. Она пульсировала в ноге, отдавала в ребрах, стучала в висках. Затем пришел запах больницы. Артем открыл глаза: белый потолок, капельница, тусклый свет. Рядом сидела медсестра, что-то записывала.

— Где... я? Где... Анд... рей? — сказал Артем. Думал, что сказал.

Голоса не было. Он шевелил губами, пытался вытолкнуть звук, но без толку. Тихое сипение да судорожные вдохи.

Молоденькая медсестра встретила с ним взглядом и побледнела. Она быстро вышла из палаты, вернулась с врачом.

Тот осмотрел его, задал несколько вопросов, попросил повторить простые фразы. Артем пытался изо всех сил, но безуспешно: беззвучные движения губ, отчаянный взгляд, нарастающая паника.

Доктор развел руками:

— В физическом плане все в порядке. Связки, гортань, дыхательная система. Все функционирует нормально. Но психика... — И добавил: — Мутизм. Отсутствие речевых функций вследствие психологической травмы.

Как будто разум спрятал возможность говорить в кладовку и повесил замок. Так вообразил себе Артем.

Он смотрел на врачей, кивал, понимал каждое слово, но ответить не мог. И в тот момент осознал, что не просто потерял дар речи — он потерял часть себя.

В палате повисла тишина. Настоящая, которая теперь стала его спутницей. Он закрыл глаза, пересилив внутреннюю дрожь. Где-то за окном гудел город, топали люди, звучали голоса, а он поселился в этом безмолвном мире. Наедине с болью, виной и памятью о десяти метрах, что изменили все.

После трагедии понаехали инспекторы. Началась проверка — показательная, с заранее известным финалом. Солидные деловые люди ходили по стройке, качали головами, делали фотографии, записи. Но все это было лишь спектаклем. Дело

«замяли» крайне быстро.

Олег Семенович лично все курировал. Он улыбался про-
веряющим, он пожимал им руки, он приглашал их на обе-
ды, он обещал внести вклад в поиски виновных. Туманно, но
доходчиво. Документы сделали в рекордные сроки. Якобы
все сотрудники прошли инструктаж, техника безопасности
соблюдалась неукоснительно, а несчастные случаи — неиз-
бежная часть любой стройки. Официальная причина смерти
Андрея: «по неосторожности».

Без его ведома Артему оплатили больницу и предложили
деньги. Много денег.

— Это не взятка, — шепнули ему в коридоре больницы
двое мужчин в черных костюмах.

«Наверное, юрист», — подумал Артем.

Сказавший это смотрел уверенно, а его спутник нервно
теребил папку с документами.

— Это компенсация. Вам же нужны средства на лечение.
На жизнь. Пока не восстановитесь.

На клочке бумаги — сумма с несколькими нулями. Доста-
точно, чтобы сделать вид, что все в порядке. Чтобы уехать
куда-нибудь подальше. Чтобы начать новую жизнь. Не вспо-
минать о падении и о тишине, которая поглотила голос. Они
хотели оплатить его молчание.

Но принять эти деньги — предать память об Андрее. При-
знать, что жизнь друга можно оценить суммой с шестью ну-
лями.

«Трагедия это всего лишь строчка в отчете, которую можно закрыть выплатой, — подумал он тогда. А еще подумал: — Как я с этим жить буду?»

Он медленно отодвинул папку с документами. Посмотрел на этих двоих в черных костюмах и покачал головой.

Мужчины переглянулись. Юрист вздохнул, закрыл папку. — Зря. Потом пожалеете. — Оба встали. Юрист бросил на прощанье: — И не вздумайте подавать иск.

Артем не жалел. Молчание стало его выбором, а не условием договора.

Стройку завершили через год после роковых событий. Во время торжественного открытия Олег Семенович стоял на трибуне, победно принимал поздравления. Он тряс руки важным гостям, позировал фотографам, вещал о «великом вкладе в развитие региона», о «безопасности и надежности конструкции». Артем смотрел в это лицо на экране телевизора и только сжимал кулаки да качал головой.

Еще через год Олег Семенович достроил большой дом недалеко от дамбы — наверное, любовался видом и гордился своим «творением». Можно представить, какой великолепный пейзаж открывался из панорамных окон: река, леса, городок внизу. Артем почти воочию видел, как тот сидел на террасе с бокалом вина, смотрел вдаль и думал, наверное, о

том, как он умен и удачлив. Как ловко обошел все препятствия, как много денег заработал.

Олег Семенович даже не подозревал, сколько боли и несправедливости осталось за кадром успеха. Не знал, что где-то на кладбище Артем каждое утро гладит мраморный памятник, вспоминая близкого друга. Не догадывался, что собственная жизнь, построенная на обмане и алчности, может рухнуть так же внезапно, как рухнули жизни тех, кого он считал недостойными уважения.

Артем продолжал жить — молча, упорно, день за днем. Он ухаживал за могилой Андрея и учился говорить без слов. И в том молчании было больше правды, чем во всех речах Олега Семеновича.

В тихие вечера, когда кладбище пустело, Артем садился на скамейку среди усопших и просто смотрел вдаль. Ветер шевелил его волосы, шумел листьями и будто шептал. Уже в привычной тишине Артем чувствовал: правда есть. Она не всегда говорит вслух, но она есть. И однажды она обязательно даст о себе знать.

Несколько дней назад новостные каналы взорвались сенсацией. Край дамбы обвалился из-за оползня. Все произошло ночью, когда город спал. Раздался глухой рокот, будто земля недовольно вздохнула. Невероятные массы грунта и

камней двинулись вниз, увлекая за собой фрагменты бетонной стены дамбы.

Дом Олега Семеновича оказался в опасной зоне: прямо на склоне, который начали было укреплять, но так и не довели дело до конца «в качестве экономии». Особняк накрыло лавиной, пока вся семья спала. Жена, отвечавшая за финансы постройки, дочь, сам директор — никто не выжил. Они даже не проснулись, не успели понять, что происходит.

К счастью, стихийное бедствие прекратилось само собой и разрушительных последствий не принесло. Трое несчастных стали единственными жертвами. В тот же день на восстановление и укрепление дамбы бросили все ресурсы, чтобы не допустить повторения трагедии.

Артем не радовался и не злорадствовал, не бил себя в грудь с мыслями о торжестве справедливости. Теперь он принимал жизнь и принимал ее. Два мучительно долгих года с момента травмы искренне верил, что жизнь расставит все по своим местам. Каждая ложь рано или поздно раскрывается. Каждая несправедливость всегда находит свой ответ.

Было в этом что-то успокаивающее. Осознание, что все имеет цену. Нельзя обманывать, бездумно жертвовать людьми ради выгоды — рано или поздно система даст сбой. И тогда наступит расплата. Мир не всегда справедлив по-человечески. И иногда эта справедливость приходит тогда, когда ее уже не ждешь.

Могилы готовы к вечеру. Артем откладывает лопату, вытирает пот со лба и окидывает взглядом свою работу. Ямы выглядят ровными, аккуратными — какими он умеет их делать. Он всегда делает работу на совесть.

Три гроба привозят утром. Простые и торжественные одновременно. Тот, что из полированного дерева с золотой окантовкой — Олег Семенович. Гроб выглядит стильно и богато. Все как при жизни: показная роскошь, стремление произвести впечатление даже здесь, на пороге вечности.

Начинается погребальный ритуал; священник, родственники, толпа людей. Черное море с яркими пятнами цветов среди могил. Большое несчастье для маленького города. Артем стоит в стороне, чуть поодаль. Смотрит и думает:

«Нельзя строить дом, карьеру или мечту, не задумываясь о фундаменте. Без него рано или поздно все рухнет. Ничего не спасет от расплаты. Во вселенной есть баланс».

Похороны вскоре заканчиваются. Люди расходятся.

Артем неторопливо идет к могиле Андрея, привычно поглаживает мрамор. Он знает, что скоро тоже уйдет навсегда, оставив за спиной кладбище и тяжелые мысли. Если все-таки смог найти покой здесь, среди могил, значит, где-то впереди его ждет нечто большее.

Лучи солнца золотят края облаков. Где-то вдалеке лает

собака и поют птицы — звуки жизни, которые он вновь замечает. Артем поднимает голову, смотрит на небо и улыбается. Нет, мир не становится проще, но он понимает, что даже в безмолвии можно быть услышанным.

Напоследок он возвращается к трем свежим могилам. Когда уходят последние скорбящие, Артем приближается к Олегу Семеновичу, трогает резной крест, пахнувший свежим лаком.

Кладбище ловит единственное слово в абсолютной тишине:

— Прощаю.

ВО ТЬМУ

— Скажи-ка мне, эру...

Вопрос прервали. Скрипнули двери — единственные в поселке двойные, на столичный манер. В комнату влилась компания мужиков. Лесорубы. Они исходили паром, стягивали шапки, стряхивали снег с плеч, терли щеки и руки, шутили и громко смеялись.

Пришлый лишь бросил на них взгляд и продолжил:

— ...достопочтенный эру. Как мне попасть в одно необычное место?

Защитный круговой жест собеседник не сделал. Вместо этого хмурый седобородый кхел — Смурной, как его называли все — просто покачал головой и отвернулся. Он прошелся руками по полкам с посудой и бутылками, сунулся в кадку с соленьями. Затем замер, глубоко вздохнул. А когда развернулся к приезжему, то глаз не поднимал, говорил исподлобья, негромко:

— Вы бы, это, кан хороший, лишку не спрашивали. Я — кхел, а не эру. Мне не положено, это, болтать. Вон, — он едва мотнул подбородком, — у лесных спросите. Им виднее. И говорить им подобает.

И словно бы слился с обстановкой. Начал выполнять привычные движения, притворяясь предметом мебели в комнате, которая служила общинным обеденным домом. Модное

словечко «трактир» еще не дошло до этих мест.

Человек направил взгляд в сторону компании, которая уже располагалась за двумя широкими столами, рассмотрел внимательнее. Конечно, к Смурному они не обращались. Кхел — бесправный раб и сам должен знать, как подойти поскорее, спросить, чего изволят добрые люди. И как можно быстрее принести поесть.

Одинокий гость сразу выделил главного. Высокий и широкоплечий мужчина с густой черной бородой. Каждый, кто говорил, поглядывал именно на него. Или ждал одобрения, или запрета, или реакции на шутку.

Приезжий уверенно направился прямо к чернобородому, остановившись в нескольких шагах.

— Уважаемые эру, — начал он. — Прошу прощения, что прерываю вашу беседу и отдых.

Краем глаза он отметил, как кхел застыл с мисками, не решаясь подойти. Все замолкли. Они осмотрели невысокого человечка с ног до головы. Тот продолжил:

— Прибыл из Столицы в ваши края по важному делу. Хотел бы задать несколько вопросов. Возможно, нужна будет помощь.

Старший лесоруб склонил голову набок, сощурился и широко улыбнулся. Затем поднялся во весь немалый рост. Гость в свою очередь не боялся, что ему причинят вред — жители поселка чтили законы и мятежников никак не поддерживали. Самое страшное, что можно представить в подобной си-

туации, это быть осмеянным и услышать отказ.

Впрочем, на этот случай был припасен самый главный аргумент: деньги.

Чернобородый вдруг плюнул на ладонь, протянул. Человек из Столицы не колеблясь повторил жест, и они пожали друг другу руки. Брезгливость была ему совершенно чужда, не смотря на вычищенную одежду и обувь, манеры и общий ухоженный вид. Взглянувший со стороны, конечно, мог принять его за эдакого «чистюлю». Он представлял чиновником или казначеем, или учителем. Об этом явно говорили ухоженные руки, тонкие усики, бледность лица, выступающее под одеждой брюшко. Однако глаза оставались странно холодными.

После влажного рукопожатия чиновник, или казначей, или учитель не вытер руку напояженным платочком, а показательно растер по груди, прямо по идеально чистому бушлату. Лесорубы удовлетворенно кивнули.

Кхел тут же пододвинул стул, и гость присел наравне с «лесными» за один стол.

Столичный человек представился только именем — Дарнэт Ор. Сообщил, что остановился у старухи, чей дом стоял на окраине, и пробудет здесь около семи дней. То был жест доверия. Они должны знать, кто его приютил и где остались личные вещи, и что приезжий не наделает бед, не попытается бежать.

— Зови меня Борд, — низко прогудел чернобородый.

Лесорубы молчали, поглядывали и ждали. Конечно, им было интересно, что забыл в их глуши столичный писака. Или чиновник? А он молчал, не спешил, прекрасно понимая, что эти мужики разговор сами не начнут.

Решив, что достаточно подогрел любопытство местных, сказал:

— Мутная Чаша.

Тут все расслабились. Лесорубы заулыбались, потянулись к еде, а кто-то усмехнулся. Что же, очередной мелкий книжник, начитавшийся сказок-сплетен! Или и правда писатель, который ищет занятных историй.

К слову, не такая здесь была глушь. Не совсем окраина, чтобы не знать о любителях сочинять и продавать писанные истории. Средняя Граница, как-никак! Просто немного в стороне от основных дорог. Писать-читать местные умели, но вряд ли увлекались придуманными приключениями несуществующих людей в неведомых краях.

— Был тут один, шесть полных лун назад, — самый молодой из лесорубов решил развлечь народ байкой. — Явился то ли из Столицы, как вы, эру, то ли из Подбрюшья Столицы, ть. Все кричал, что напишет, это... э-э, на-уш-ный фо-ли-ан! Ха! Тоже просил туда сводить. Храбрился, ть, только дорогу покажите, а дальше сам. Ну, мы его там, на окраине, и оставили. На поляне у Чаши.

Сосед хлопнул парня по плечу, а тот воскликнул:

— Что?! Да, оставили. Сам же, ть, просил. Это тот, кото-

рый потом голышом еще по деревне бегал, помнишь, Борд? Так вот, эру, он там ровно ночь провел. И все, котел прохудился. — Парень коснулся двумя пальцами виска и прищелкнул. — Так что, зря все. У нас тут уже столько народу было, да ничего интересного не нашли. К Мутной Чаше ходили, а толку... Тот пришибленный самый веселый оказался.

Дарнэт будто и не слушал. Он смотрел в черные глаза Борда под густыми бровями, а тот — в ответ. Кажется, главный лесоруб догадывался, что гость приехал не просто ради интересной истории.

— Один я не пойду. Мне нужны ваши топоры, а кто, как не лесные, управятся с ними лучше! Я знаю, что сегодня Чаша пустеет. Как долго там сухо?

— Обычно, не больше двух дней. Бывало и того меньше, но редко. Хватит? — Борд не улыбался, говорил серьезно, ждал предложения.

— Да. — Дарнэт Ор положил перед притихшими лесорубами квадратную тонкую золотую пластину. — Плачу этим. По одной каждому, кто пойдет. И не сбежит! Тебе, уважаемый Борд, две.

Предводитель лесных поднял золотой квадрат, рассмотрел внимательнее. Чистый: ни чеканки, ни сколов. Такой дороже официальной монеты.

Дарнэт был холоден, как ночи здесь, на севере. Чистое золото нельзя отследить по отличительным знакам. Значит, им можно расплатиться с теми, кто не одобряет действия госу-

дарства и Стражей. Или с чужаками, не чтящими законы, которые способны добыть все, что не продается внутри границ страны.

Гость в открытую показал, что знает о тайнах чернобородого. Это либо глупость, либо спокойный расчет.

Борд опустил пластинку во внутренний карман бушлата.
— Мне таких три. Остальным еще по серебряному.

Дарнэт кивнул, не стал спорить. Он не знал, чем все может обернуться. Пусть это будет плата за возможные неудобства.

Не прогорело и трех свечей, как маленький отряд углубился в чащу. Вместе с собой Борд взял двоих. Молодого парня, который рассказал байку про голого ученого, звали Мол. Он был рыжим и болтливым, но Дарн не одергивал того до поры. Вторым был усатый Кен — мужчина серьезный и уверенный, единственный, кто взял с собой оружие помимо рабочего топора.

Ор не боялся, что эти трое могут бросить его с проломленным черепом где-нибудь неподалеку в овраге до самой весны. Плата после выполненного дела — лучшая гарантия. Он заверил, что по возвращении в деревню отправит гонца в столицу, и через день лесные получают свое золото.

— Мол, надень шапку! — Борд говорил негромко и без агрессии, но паренек послушался безоговорочно. — Я мамке

твоей обещал, что не застужу. А ты тут...

— Да что я?! Еще не замерз. У Чаши, говорят, в ночь, ты, ее осушения, становится так тепло! И пар из-под земли идет. Дядька рассказывал, что слышал будто трубный глас!

Заметив, что его не затыкают, Мол приободрился, продолжил:

— Короче, дядька перепил, с женой полаялся и пошел бродить по лесу. Ну, весна была, не морозно уже, но свежо ночами. Года два назад, ага. И вот походил-походил в темноте и, видимо, случайностью на тропку к Чаше набрел. А что думать? Все лучше, чем по кустам ломиться. Так и пошел, ты. Новолуние как раз, хоть что-то видать. Хотел к деревне, да сторону попутал. Час, два, а то и три топал. Все матом ругался, хотя местный наш Стражник и не велел сквернословить. Да что, пьяному все одно! И вот вышел дядька на берег Чаши. И стал, задумался. Здравомысленно рассудил, хоть пьян был, что заплутал, и раз он у Чаши, то деревня, стало быть, в другой стороне. А значит...

— Короче, Мол! — прикрикнул Кен.

— Ну, стараюсь! Ладно. Вдруг дядька звук услышал! Такого-ой... Ну, будто сама земля вздохнула. И вздрогнуло, ты, все вокруг. А затем еще раз прям натурально, будто великан губами на свечу дует. Уфу-у-у-у! Только громко-громко! И туманом все заволокло. Прямо вот из-под земли отовсюду он лез. И все выше и выше поднимался. А потом грянул звук! Как трубы самого Лорда! Громо... гром-глас-но, во! И

со всех сторон звук тот шел. Ну, дядька то пьяный, ть, не слишком испугался. Не побежал. А еще почуял, что насквозь промок весь. Не от тумана, просто вспотел так сильно. Жарко стало — не можно дышать! Ну, он еще постоял, и заметил, что вода уходит! И прямо сразу вся, не как в прорубь, а именно как... как...

— Как будто высыхала на глазах? — подсказал Дарнэт Ор.

— Во! Прямо вся! И еще он увидел там, на северном берегу, пещеру. Вся корнями спрятана, но как-то разглядел, что темнее земля, чем рядом вокруг. Стало быть, пещера. Ну, и еще... Вродь-бы как глаза. Красные такие угольки. Издали мелкие, да только вот показалось, что они, ть, ближе и ближе к нему! Вот тогда он побежал. Летел через бурелом, по самой темноте. Ровно на рассвете к деревне вышел. Грязный весь. Наверное...

— Что еще? — прервал Дарнэт.

— Что еще? — глупо переспросил Мол.

— Что еще важного дядька твой видал? — Борду надоело. — Одно дело бабские сплетни, другое — слова того, кто сам все видел.

— Так ты же знаешь.

— Мне расскажи, — Дарн начинал сомневаться в выборе спутника главного лесоруба.

— А-а-а! Ну-у... Земля дрожала. Один, — начал парень загигать пальцы. — Звук страшный, как будто с неба. Два. Туман жаркий. Три. И глаза. Четыре!

Мол с гордостью показал оставшийся палец. И тут же добавил:

— Только с глазами я ему не верю. Брехня. Ну что за чудище будет под водой, ть, в пещере сидеть и раз в год на воздух лезть?

— Все. Я понял. Теперь можешь молчать.

Борд взглядом ясно дал понять Молу, чтобы послушался. Паренек только зубами клацнул.

Они шли еще какое-то время. Под ногами мужчин сначала вилась неширокая протоптанная просека, а затем она сменилась узкой тропинкой. Местные двигались уверенно. А деревья словно желали сплести свои ветви крепко-накрепко, закрывая небо. Чем дальше, тем плотней становился живой коридор стволов по бокам.

Темнело медленно. Солнце садилось по правую руку, и последние лучи цеплялись за землю, словно непослушные дети, не желая отправляться спать.

Как-то неожиданно Дарнэт оказался на пологом берегу озера — вот он продирается вслед за Кеном через кустарник, шаг, и перед ним открывается водная гладь. Ветра не было, и вода, отражающая редкие облака, была похожа на огромное идеальное зеркало.

Дарн расстегнул ворот бушлата, снял шапку, глубоко задышал. Лесорубы не расслаблялись.

— Ну, эру, что дальше?

— Проберемся туда, к северному берегу. Затаимся. И бу-

дем ждать. Пока небесные трубы и туман, и прочее, — Ор неопределенно махнул рукой.

Мол попробовал ледяную воду и сразу вернулся. Кен прошелся по кустам вокруг. Борд же остался около приезжего. Он долго не решался начать разговор. Наконец, сказал:

— Эру. Вижу, ты знаешь о Мутной Чаше побольше нашего. До тебя все, кто прибывал, выглядели не так. Ну, не внешне. Было ясно, что им просто любопытно. А ты приехал за чем-то конкретным. Трогать тебя не рискну. Честно говорю, — он положил руку на сердце. — Только одно спрошу. Есть тут чего бояться? Не зря же ты нас в помощь взял. Себя не жалко. Но за них я головой отвечаю.

Дарнэт Ор обернулся, заглянул мужчине в глаза снизу вверх. Он был совершенно спокоен.

— Я много знаю, — Ор помедлил, посмотрел по сторонам. — Ты прав. Надеюсь, что опасного здесь не осталось. По крайней мере, не должно. Пока мы снаружи — не бойся. Но нам нужно попасть в ту пещеру. А после... Я не знаю, что там.

Кен вдруг окликнул вожака из перелеска. Напоследок тот сказал еще:

— А кто же ты сам? Чиновник? Или этот, как его, охотник за сокровищами? Точно не ученый.

Дарн вздохнул, показалось даже, что немного смутился.

— Ну, я хочу быть ученым. Перед тобой хранитель Библиотеки. Младший хранитель! — он постарался произне-

сти это с вызовом, подчеркивая статус, однако получилось подчеркнуть лишь юный возраст. Хранителю не было еще и тридцати.

Борд только покачал головой и оставил гостя одного.

Прошло совсем немного времени, и задумчивость Дарна прервал хруст ветвей. На берег выскочил тот самый кхел из обеденного дома — лицо горит, глаза на выкате, шапку обронил по пути. Вслед за ним не торопясь появились Борд с Кеном. Вожак держал руку на топориче за поясом, а его спутник обнажил недлинный клинок.

Заметив человека из столицы, седой раб упал перед ним на колени, взмолился:

— Не губи, кан хороший!

Младший хранитель приметил, как стар и ничтожен стоящий на коленях мужчина. Он обрек себя на смерть, преступив закон, запрещающий кхелам покидать пределы селения. Но зачем?

Дарн поднял руку, останавливая Кена за полшага до казни.

— Пусть говорит.

Старик ударил лбом утоптаный снег.

— Кан! Послушай! Не нужно оно тебе! Что ищешь — забудь. Нельзя тревожить тени, э, как же... Шадей Лонгорус! Тени прошлого. Еще мои предки передавали легенды из уст в уста. От прадеда к правнуку. Пока северяне, — быстрый взгляд на лесорубов, — пока они не срубили головы моих

сородичей, ни один из нас не осмеливался тревожить Шадей Лонгорус!

Кхел взглянул слезящимися глазами в лицо Ора, не надеясь на спасение. А Дарн удивленно застыл, пытаясь подобрать слова. Наконец, выдавил:

— Это ради чего же, Смурной, ты пошел на смерть?

— Просто... — Кхел заплакал. — Просто отродясь никто не называл меня эру, кан хороший. Лучше уж так, чем... чем грязным кхелом сгинуть.

Кен вновь занес руку для удара, но тут уже Борд придержал его за плечо.

— Эру Ор, уж не хочешь ли ты выкупить его печать?

Дарнэт колебался. Затем вдруг протянул руку.

— Цена печати всем известна — кровь. Прошу лишь об одном, уважаемый Борд. Отложим сделку до утра?

Мужчина покачал головой:

— Чудной ты человек, эру.

Хранитель книг не стал говорить, что лесоруб оказался далеко не первым, кто так его называл.

Едва стемнело, посыпался легкий снег. Крупные хлопья неторопливо кружились и прятали следы людей и животных. Дарн невольно залюбовался. Уловил в себе тревогу — пальцы дрожали не от холода.

И еще вдруг подумал:

«Озеро должно было замерзнуть. А никто даже не говорит об этакоей странности...»

Тут началось. Сперва легкий толчок, будто далекий великан явился из ниоткуда и сделал первый шаг, так что дрогнула земля. Затем раздались гудение, свист, грохот!

Дарнэт пошатнулся, и небо вдруг поцеловало его прямо в макушку, и он сразу ощутил себя на коленях. Зажимал уши изо всех сил.

Откуда-то из мутного кувыркающегося снега пополам с молочным туманом протянулась огромная ладонь и схватила его за плечо. Потянула так, что едва не упал. Если что и кричали, Дарн того не слышал.

Вскоре он уже упирался плечом в ствол дерева, вжимал голову в плечи. Его ткнули в бок раз, другой. Сорвали шапку. И только от навалившегося мороза, куснувшего нос и уши, столичный гость вдруг встрепенулся, мотнул головой, приходя в себя.

Они сгрудились вокруг толстого дерева, придерживая друг друга. Борд держал Дарнэта за пояс. Пусть сильного ветра и не было, но все вдруг испугались потеряться в непроглядной круговерти.

Совсем скоро хранитель книг окончательно успокоился и внутренне обругал себя за излишнюю пугливость. Непогода при этом также начала постепенно угасать.

Отнюдь не воинственный, книжник бодро двинулся об-

ратно к берегу, к поклаже, одновременно призывая остальных за собой.

— Борд, скорее!

Рядом возник рыжий Мол, кивком спросив, что нужно делать. Дарн протянул парню небольшую стеклянную бутылку из своей сумки.

— Смотри, вода ушла. Сможешь забросить подальше?

— Эру, ть, да я в поселке...

— Плевать. Открой крышку, бросай как можно дальше к центру озера. И сразу падай!

Молодой лесоруб повиновался без слов, на удивление. Дарнэт сразу лег в снег, обернувшись на остальных.

— Что дальше?

— Ну, если и есть тут какие демоны, то мы подождем, пока они выйдут, чтобы посмотреть на наш огонек. А затем как можно скорее двинемся к пещере.

Лесоруб только покачал головой.

Берег по правую руку от них постепенно поднимался, нависая орлиным клювом над низиной. Сверху росли несколько деревьев, и корни их действительно торчали из почвы и образовывали будто бы плотную стену.

Мужчины притихли. Борд сопел слева, Мол молился справа. Дарн беззвучно считал от десятка до единицы.

«Один», — закончил он.

И тут же посреди сухого водоема, там, куда рыжий запустил склянку, медленно вспух огненно-красный пузырь. Ка-

залось, он неторопливо рос посреди абсолютной черноты. Шар обернулся ярким огненным фонтаном! Он ударил от-весно вверх и выбросил в небо яркий фейерверк.

Они оторопели. В доли мгновения, пока вспышка освети-ла все вокруг, каждый с замиранием сердца видел, как блес-нуло на свету нечто. Оно осторожно подбиралось к растуще-му клубку огня, и осветилось в движении: гибкое змеиное тело, членистые паучьи ноги, сполохи на чешуе.

Фейерверк в небе взорвался цветком зари и выбросил в разные стороны сгустки пламени, словно пушечные ядра. Отчетливо видимые, пять таких «ядер» разлетелись на сот-ни саженей во все стороны и бухнулись каждый где-то вдали. Тварь устремилась за одним из них.

Дарн досчитал про себя до семи и начал подниматься, увлекая Борда.

— Быстро! К пещере!

Чернобородый повиновался, однако Мола, без остановки молившегося, пришлось силой поднимать на ноги. Получив твердый пинок, парень немного пришел в себя и зашевелил-ся бодрее.

Друг за другом мужчины на ощупь двинулись в сторону грота, инстинктивно пригибаясь, боясь быть замеченными невероятным существом, что исчезло в темноте.

Как-то неожиданно Дарн оказался впереди. Лесорубы оставались деревенскими мужиками, какими бы уверенны-ми в себе не казались при свете дня. Хорошо, что деньги бы-

ли для них важнее предрассудков.

Хранитель вздрогнул, когда рука вдруг провалилась в пустоту. Вход! Не раздумывая, шагнул в еще более непроглядную темень.

— За мной! — зашипел, боясь, что лесорубы решат оставить его одного.

Однако тут же с облегчением ощутил за спиной движение, услышал их и уверился, что серьезный Кен обнажил клинок, хоть и не мог ни черта разглядеть внутри грота.

— Закройте глаза, — скомандовал Дарн.

Через мгновение в его руке вспыхнул огонек — небольшой, словно от свечи.

Отсветы и тени тут же заметались по стенам. Изнутри это оказалась не пещера. Все вокруг больше походило на странное помещение: стены выглядели слишком уж прямыми и ровными, неестественными. А пол, пусть и засыпан землей с камнями, но — Дарн не сомневался — где-то под самым глубоким слоем также был идеально ровным.

— Сколько у нас времени, эру?

— Примерно половина свечи, Борд. Боюсь загадывать. Давайте, быстро смотрим и уходим.

Из помещения в разные стороны вели два прохода. Отовсюду с потолка свисали корни деревьев и кустов, словно бы спрятавшихся от зимы поглубже.

Дарн достал три металлических трубочки, обмакнул их концы в очередную склянку с темной жидкостью и запалил

от своей «свечки», затем раздал спутникам. Все, кроме Мола, тут же разобрались по темным закоулкам, а сам хранитель двинулся вглубь левого прохода.

Разобрать что-либо было сложно. Хранитель знал из различных источников, что этому «склепу» больше тысячи лет. Однако все, что он мог разглядеть, оказывалось либо кучей камней, либо малопонятным бесформенным... чем-то. Очевидно, это искусственное помещение с металлическими стенами. Но какова была цель такого сооружения?

Он прошел по кругу, замер, вздохнул. Осмотрел корни от пола до потолка на противоположной стене. Затем достал нож, раздвинул выющиеся корневища, поскреб. Услышал характерный звук, когда сталь натывается на ржу.

«Железные стены!»

Но больше подобный опыт никаких результатов не дал, потому Дарн принялся обходить помещение в очередной раз. Он попросту не мог заставить себя уйти без какого-либо весомого доказательства. Конечно, само это помещение означает, что «склеп» рукотворный и неимоверно древний. Без малого древнейший. А та тварь снаружи — неживая — доказывает, что за всем стоит разум. Не важно, человеческий или нет, но очевидно, что развитый.

Позади, от входа, раздался крик. Сердце ухнуло в желудок. Дарн обернулся, силясь разглядеть хоть что-то.

— Оно-о-о!

Не разобрал, кто кричал. Со всех сторон ударил пронзи-

тельный звук. Он казался осязаемым, потому что вонзался в уши, резал голову, протыкал мозг. Мелькнула последняя ясная мысль, что наступает конец.

Дальше все было урывками. Картинка в голове мигала солнечными зайчиками на поверхности бурной реки. От этого глаза его болели, словно кто-то вырывал их с мясом и тут же вставлял обратно в глазницы. И повторял так каждые пару мгновений, снова и снова.

Много позже он припоминал будто бы голос со всех сторон. Мертвый и обезличенный, принадлежавший явно Божеству, без пола и личности, и эмоций.

Язык того Божества, смывающий хрупкие барьеры смыслов, гремел, неслышанный доселе никем за тысячелетия. Смертным не положено было его слышать.

У дальней стены Тварь оцетинилась сверкающими остриями, вырастающими прямо из гибкой спины. Из каждого такого острия во все стороны летели искры, вспыхивая на огромных сверкающих чешуйках. Демонов, подобных этому, не мог родить мир.

Сквозь рев безликого Божества и металлического чудовища двигалась фигура с мечом. Но вдруг замерла и смазалась, растеклась иллюстрацией в книге, написанной дешевой тушью. Человеческому не постигнуть Божественного, и слабая плоть обязана исчезнуть.

Нечто вцепилось в ногу хранителя и волокло его по коридору, а он отчаянно пытался зацепиться за любой выступ.

В какой-то момент рука утонула в грязи. Увязла глубже, и он нащупал что-то твердое и гладкое. Замер. Почувствовал боль от удара в спину.

Гладь треснула под его ладонью, разодрав ее в кровь. Инстинктивно Дарн схватил непонятный плоский предмет. Затем голова словно взорвалась от нахлынувшей боли.

Кажется, он приходил в себя несколько раз. Разум никак не хотел цепляться за мир, и потому Дарн вновь терял сознание. Кажется, его несли. Или тащили? Хорошо он запомнил лишь звезды из-за того, что они резали глаза. Очень сильно болела рука.

Рядом был еще кто-то. Слышались бормотание и пыхтение. Голос всего один, грубый и неприятный:

— Не думал, что меня спасет кхел, тьфу!

А потом зло:

— Голову ему держи, пень, блюет, не видишь?!

И еще нервно:

— Пацана придержи. Кажется, портки намочил.

После спокойно и холодно:

— Жди и помалкивай, кхел, пока хранитель не очнется.

Тогда и будешь свободен.

А в самом конце тихо-тихо, с тоской:

— Эх, Мол, что ж я мамке твоей скажу?

Борд принял плату молча. Три золотых за себя, два таких же и пару серебряных за Мола и погибшего Кена. По крайней мере, они оба, лесоруб и хранитель, думали, что мужчина погиб. Чернобородый с проседью Борд нахмурился, и Дарнэт также без единого слова отдал еще три золотых.

Старый кхел грузил сумки в телегу. Молодой возница, прибывший напрямик из Столицы, покрикивал на него, но бывший раб и не думал отвечать. Смурной четко выполнял команды, даже не подозревая, что теперь может ответить грубияну, как свободный человек. Печать раба была выкуплена кровью.

Борд уже собрался идти, как вдруг в воротах возникла тень. Она имела лицо Мола, а его некогда пламенно-рыжие волосы стали снежно-белыми. Он был в одной рубаше и штанах, без сапог, а за ним уже бежала, что-то причитая, матушка. Парнишка беззвучно шевелил губами, панически смотрел то на небо, то по сторонам.

Борд дошел до ворот, приобнял племянника, искоса обернулся на столичного гостя и повел безумца прочь.

Когда селение осталось далеко позади, а колеса затряслись по ведущей в Столицу Главной Дороге, расчищенной от снега, только тогда Дарн расслабился. Он не смог удержаться, дотерпеть до родного кабинета, где были все необходи-

мые материалы. Дрожащими пальцами хранитель достал из сумки сокровище, добытое двумя жизнями.

Книга.

Он уловил запах, который оказался, к его удивлению, почти таким же, как и у его любимых рукописей.

Хранитель понимал, перевести бесценное издание он никак не сможет. Но на всем пути до самого большого города на континенте Дарн водил кончиками пальцев по обложке. Вид и форму букв он запомнил наизусть. Однако, что они значили, не ведал ни один человек во всем мире, потому что те, кто говорил когда-то на этом языке, исчезли многие тысячи лет назад.

На обложке неизвестным ему способом были вытеснено слово: **«БИБЛИЯ»**.

ОТТЕНКИ

Музыка была повсюду. «Ave Maria». Мелодия лилась и лилась, заполняла собой всю маленькую мастерскую. У одной стены сгрудились исписанные холсты, немного, около дюжины. Еще несколько незаконченных работ пылились в углу. С потолка свисала одна-единственная лампочка. У большого замызганного окна — почти во всю стену — стоял мольберт. Пара мазков. Пятно в уголке.

Молодой художник уставился на едва начатую работу. Свет падал на холст свободно, и цвета были хорошо различимы, переходы оттенков — безупречны.

Он любил писать под музыку, когда звук вплетается в узоры, выводимые кистью, когда ноты смешиваются с красками и рожают в единстве нечто законченное и цельное. Но мелодия умерла. Юноша резко отшвырнул кисть и опрокинул в ярости мольберт. Не то! Вслед холсту отправился приемник, стоявший на подоконнике. Художник прошелся от стены к стене, вернулся к окну и опустился на колени, сжав голову руками. Закричал громко, зло. Хотел было заплакать, да не смог. Взгляд метался по мастерской, пока не уперся в небо.

Он учился так долго, потратил столько сил, не спал многие ночи, оттачивая мастерство. Учителя хвалили, пророчили яркое будущее. А в итоге он сидит здесь, ненужный, забытый. Один.

Позже вечером художник пошел в ближайший бар, где пил дрянной ром и давился дешевой музыкой, которая ничего в нем не пробуждала. Он просто сидел там весь вечер напролет, не заводя разговоров и не обращая внимания на окружающих. А те, в свою очередь, смотрели на него, как на пустое место. Юноша топил в алкоголе не горечь, не обиду, а себя. Размышлял, когда же все пошло не так.

Прежде он писал пейзажи: под кистью оживали луга и излучины рек, играя совершенно естественными цветами. Деревья на полотнах не были нарисованы — они жили! Каждый отдельный листочек и веточка дрожали под невидимым ветром. На его натюрмортах фрукты выглядели столь свежими, что впору было подавать их на стол вместо настоящих. Учителя восхищались. Завистники всякий раз молчали перед холстом и уходили прочь, так и не сказав ни слова.

К нему приходили натурщицы, в которых нельзя было не влюбиться в жизни и не восхищаться на полотне. Их лица сияли! Казалось, прикоснись — ощутишь нежность кожи и мягкость изгибов тела. Верная кисть передавала не просто цвета, но запахи, звуки.

Его боготворили... И забыли. Не звучали больше восторженные аплодисменты, закрылись выставки, а натурщицы не желали остаться после того, как портрет закончен. И не было больше картин.

Никто не заметил, как однажды художник исчез. Его позабыли давным-давно и ценители, и поклонники. В мире совершенно ничего не изменилось, когда ранним утром он покинул мастерскую, даже не заперев дверей. Его могли заметить лишь дворники, но и те не обратили особого внимания.

Юноша отправился искать самого себя. Надеялся, что там, в невообразимых далях и чужих городах, сможет обрести нечто, что тронет его душу и даст возможность вновь писать. И так преодолел годы, истоптал обувь и сделал бессчетное количество шагов по пыльным дорогам. Видел многое, что навсегда осталось в памяти. Научился видеть настоящие цвета этого мира.

Молодой художник познал оттенки Красного, когда попал в гущу сражения. Две армии сошлись в рукопашной, стоял ужасный звон, и резали уши крики. Кто-то падал, кто-то поднимался, все вокруг двигалось, а юноша находился прямо посреди всего безумия и боялся пошевелиться. Когда его чуть не сбили с ног, попытался бежать, спасая жизнь, но это оказалось едва выполнимо. Тогда он упал, забился под сухую корягу и ждал.

Лишь несколько часов спустя смог выбраться. Долгое время бродил среди мертвецов, не в силах отвести взгляд от обезображенных смертью лиц, изломанных тел и крови.

Кровь смешалась с грязью, травой и пылью, засохла на одежде и коже, стала частью пейзажа. Он увидел разную кровь и наконец различил все ее оттенки.

Спустя время художник познал оттенки Черного, когда судьба привела его на каторгу. Пища закончилась, он решил украсть ее, но был пойман. Юношу отправили добывать уголь. Целых два года он не видел дневного света. Ему приходилось работать до изнеможения, спать на голых камнях. Факелы приносили редко. Чтобы не сойти с ума, он принялся рисовать на каменных серых стенах. Рисовал то, что помнил о мире наверху. И что когда-то давно видел своими глазами: реки, птиц, города, людей. Все это было изображено одним лишь углем с редкими вкраплениями других цветов, когда вместо угля ему в руки попадал мел или известь.

Однако разглядеть их удалось лишь при свете факелов. Каторжане и надсмотрщики ахнули, разинув рты. В тот миг они все были равны перед произведением искусства, мрачным, но величественным в своих далеко не однообразных оттенках. Увидев дело своих рук, исхудавший и тронутый сединой художник не сдержал слез.

Вскоре, он покинул то жуткое место, однако забыть его был уже не в силах.

Много позже море подарило ему Синий. Дорога привела мужчину на край земли, и недолго думая, он решил отправиться дальше. Нанялся матросом на корабль, идущий в кругосветное путешествие. Его не интересовали деньги или

иноземные чудеса. Только новые места и впечатления.

Долгие месяцы он смотрел на воду и не видел ничего больше. Когда корабль заходил в порт пополнить припасы, художнику выпадала редкая возможность сойти на берег, прогуляться по незнакомому городу и увидеть свежие лица. В плавании он развлекал команду картинами тропических лесов, животных и, естественно, портретами женщин.

Если долго не наблюдать ничего, кроме синевы моря, то вскоре начинаешь замечать игру ее оттенков и видишь тонкие переливы этой синевы. В реальности море не однообразно — бедна фантазия зрителя. После нескольких лет наедине с морем уже немолодой художник научился передавать цвет волн так, как никто другой.

Но любому путешествию приходит конец, так и художнику настал черед сойти на берег. Капитан корабля упрашивал остаться, сулил деньги и славу за морские пейзажи, предлагал стать картографом или личным портретистом знатного вельможи. И услышал отказ уже совершенно седого художника.

Вновь его вели по миру пыльные дороги...

Однажды художник повстречался с легендарной личностью — Великим Мастером Цвета. Это произошло в далеком городе, чье название вряд ли кому знакомо в наших кра-

ях. В том городе у Мастера были своя мастерская, галерея и огромный дом. Ему покорялось все: слава, золото, почет.

Странствующий художник к тому времени чаще хмурил брови и слегка прихрамывал.

Толпа зевак заполонила площадь, чтобы оценить очередной шедевр Мастера. Странствующий художник кое-как мог разглядеть картину, но вот разобрать, что изображено... И он терпеливо ждал.

Через какое-то время толпа начала редеть, ведь не всем по душе разглядывать картинки, когда вокруг столько возможностей развлечься. Зритель изменчив: любит песни в кабаках, да не слышит голос холста. Многие мнят себя ценителями, не зная даже имени автора, разводят разговоры об искусстве, по сути, не ведая значения слова.

Наконец, художник смог пробиться к центру площади. Полотно не тронуло его сердца — красивый и пустой пейзаж. Сад, яблони в цвету, голубое небо и павлин. Палитра хороша, но не более того.

И тогда он заявил об этом громко, чтобы все услышали.

Великий Мастер Цвета промолчал. Стоявшие рядом могли бы заметить, если б захотели, как у него покраснели уши. Мастер приказал принести холст. Рядом, на специальной подставке положили белый лист бумаги, а поверх — лепесток розы. Дерзкому страннику с редкими седыми волосами поднесли кисть.

Ему понадобилось всего лишь полчаса, чтобы изобразить

единственный лепесток в мельчайших деталях. Вновь собравшаяся толпа затаила дыхание. То было истинное произведение искусства: мельчайшие переходы оттенков одного лишь красного, вкрапление черного цвета, формы, штрихи и мазки. Один лепесток теперь стоил дороже целого сада.

Мастер Цвета потерял сознание. А после всего заперся дома, видимо, чтобы повторить шедевр странствующего художника. Говорят, по сей день не выходит.

Странник, оставив свежую картину прямо там, где она была, отправился дальше.

Еще долгие годы бродил он бесцельно, потому что давно позабыл, что искал. Странник видел пустыни и моря, леса и джунгли, птиц и зверей, но ничего не тронуло его душу.

В итоге он пришел в горы. Никто не сказал бы, сколько времени занял подъем. Его сопровождали скалы, а небо молчаливо наблюдало.

И только стоя на самой вершине, всматриваясь вдаль и видя бесконечность неба и всего мира, он почувствовал, насколько стар. Суставы болели, в груди kloкотал кашель. Он вдруг понял, что теперь смог бы написать величайшую картину! Вынул потрепанный холст, коснулся его кончиком кисти. И отложил ее в сторону.

Он видел величайший пейзаж — весь мир. Он не желал

большого.

Говорят, он стоит там по сей день. Как вечный памятник
поиску красоты в истине и истинной красоты.

ОСТАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

2005 год

Я — бомж. Простите, так вышло случайно, я этого не хотел. Хотя когда-то моя жизнь наполнилась перспективами, сейчас все надежды упирались в то, чтобы просто переночевать в тепле.

Город заносило снегом. В стороне от вокзала я забился под трубу теплотрассы. Рядом были пустырь и заброшенный завод. В такое место случайно никто не забредет. Под сплетение труб не проникал свет фонарей. Замерзшая грязь впиалась в спину сквозь тонкую куртку. Не воняло. Вполне неплохо.

Когда мне было двадцать, еще в той, прежней жизни, мне казалось, что все должно быть не так. Не на своем месте, никто не понимает... Потом это как-то забылось, конечно. Однако идея осталась, засела где-то на задворках сознания. И даже теперь иногда всплывает, когда ночью в подвале.

Я рос обыкновенным ребенком в маленьком городке, в семье, где любовь выражалась не словами, а жертвенностью. Родители старались дать нам с братом все, что могли. Чаще всего книги вместо новой одежды и бесконечные разговоры о важности образования. Они верили, что мы с ним прорвемся в этой жизни и станем кем-то большим.

В школе мальчишкой я был тихим. Не дрался никогда и не искал приключений. Одноклассники считали меня странным, потому что больше предпочитал книги, чем гонять мяч во дворе. Но то, думаю, было дело вкуса. Как у всех, в старших классах — девушка и первый сексуальный опыт. А еще первая пьянка, первый поцелуй под дождем и незрелая любовь. Естественно, неудачная. И закончилась также быстро, как и началась. Та девчонка ушла к старшекласснику, а я остался с чувством, будто меня прогнали из важной игры, правил которой так и не понял.

Потом был университет. В престижные столичные заведения поступить оказалось, естественно, нереально. Родители не могли платить за жилье, репетиторов и саму возможность обучения. Но образование я все же получил в небольшом ВУЗе одного южного города. Погрузился с головой в учебу: языки, научные работы, статьи. Преподаватели хвалили, говорили — талант. Но что-то внутри ныло. Не покидало ощущение, что я должен быть в другом месте, заниматься иным. Смотрел на сверстников, которые веселились, влюблялись, строили планы, и не мог найти ответ на мучавший вопрос — почему мне так неуютно жить?

Местами стоило поступить по-другому. Сделать выбор. Хотя о чем теперь жалеть? И не жалею. Все это просто воспоминания. Воспоминания — это все, что у меня есть.

Пытался заполнить пустоту внутри, а как же. По началу помогали книги, но в какой-то момент их стало недостаточ-

но. Именно в студенческие годы проявилась тяга к алкоголю. Общежитие, разные лица, праздники — какой студент не пьет? Мама, вот, всегда любила выпить до беременности и после. Гены, наследственная предрасположенность, судьба... Называйте, как хотите. Тогда я верил, что сильнее этого.

В итоге остался работать на кафедре, корпел над диссертацией. Будем честны, деятель науки у нас получает гроши, но на еду и вино хватало. Мне казалось, что пью немного. Со временем, на удивление, все больше людей заметили мою проблему. Я отмахивался, считал, они несут чушь, а у меня — все под контролем. И все это разрушилось за один год.

Родители умерли. Отец — от сердечного приступа прямо на рабочем месте. Он вкалывал даже на пенсии. Через полгода не стало мамы — водка сделала свое дело. Каждый день она заглушала боль матери и в какой-то момент решила забрать накопившийся долг. Потом похороны, дождь. После этого брат уехал, не сказав, куда. А я остался один в квартире, которая стала вдруг совсем чужой.

Следующие полгода помнил урывками: лица, голоса, бутылки, подворотни, запах рвоты и пота, грязь, холодная вода и тусклая лампочка. О работе и речи не шло. Страшное время. Я бродил пьяный по городу, собирал бутылки, спал, где придется.

Брат вернулся много позже. Посмотрел на меня и на то, что когда-то было нашей квартирой. Наорал, ударил. Уверен,

он видел призрака, не человека. Но не знаю, из страха, любви или жалости, но он дал мне еще один шанс. И я старался изо всех сил: выправился, не пил, устроился на рынок. Однако голодный «монстр» внутри меня, которого удавалось сдерживать какое-то время, напористо рвался на свободу. Опять — алкоголь. Это был конец нормального человека. Я понял, что становлюсь обузой, и ушел сам. Думал, так будет лучше для всех. Наверное, это было проявление любви через жертвенность, той самой, которой меня учили с детства. Не знаю, искал ли брат меня. Надеюсь, что нет. Он имел нормальную жизнь, жену и работу и строил планы.

Сейчас, едва видя звезды, лежа в темноте под теплотрассой, думаю, как странно устроена жизнь. Родители мечтали, чтобы я стал кем-то, но стал — никем. Они хотели, чтобы обрел счастье, но я устал его искать. Иногда по ночам мелькает мысль, что не все потеряно, что все изменится. Утро же каждый раз напоминает: потеряно. Давно и безвозвратно.

Да, жизнь простого русского бомжа не сахар. Мы ведь не люди — так, безликие тени на фоне яркой городской жизни. Деньги можно раздобыть, да только на что их тратить? Хуже всего зимой. Правда, это никого не волнует, даже нас самих. Я видел, как замерзали знакомые. Часто это происходило осознанно: выпить покрепче и уснуть покрепче, навсегда, чтобы избавиться от ощущения бесконечной усталости.

Теперь я перестал верить, что может быть иначе. Привык находиться на краю жизни с полным осознанием, что даль-

ше — тишина и пустота. Идти некуда. Остается смотреть в бездну и ждать, пока она посмотрит в ответ.

Припомнился вдруг недавний знакомец. Да, именно он первый заговорил про бездну. Увидел его у вокзала: сидел у стены, опустив голову. Наверное, собирался торчать так до конца света.

— Если долго смотришь в бездну... — услышал я.

Хорошее начало. И книга интересна для дискуссий. Так хорошо было бы просидеть всю ночь, попивая коньяк, цитируя Ницше и разводя полемику на философские темы. Пока менты не нашли и не отобрали документы, деньги, коньяк и пару зубов. Уж я-то знаю. У нас на вокзале все просто.

— ...Она начинает смотреть в тебя, — закончил я и вышел в круг света от фонаря.

— Именно! — мужчина поднял голову. — Тоже читал эту чушь?

Он глотнул из бутылки.

— Да. В университете.

— О, ну мы академий не кончали! — сказал он и залился смехом.

— Знаете, здесь скоро патруль будет проходить. Они у нас не очень вежливы. Давайте лучше я покажу место потише?

— Патруль? — Мужчина был немного пьян, но суть разговора пока не терял. — Почему бы и да?

Он казался очень усталым. Тяжело поднялся и сделал глоток. Мне предлагать не стал. Мы отошли от главного город-

ского вокзала на пару кварталов, свернули и вышли к путепроводу через шоссе. У спуска — на параллельную улицу — я приостановился, подождал его, а затем сошел на несколько ступеней, чтобы не видно было ни сверху, ни снизу. Гул машин стал тише.

Мужчина присел рядом, глотнул еще, подумав, протянул мне:

— Пробовал когда-нибудь?

— Такой — нет.

Я осторожно принял бутылку. Алкоголь разошелся по телу. Хороший коньяк, дорогой. Да и куплен, видимо, не на вокзале.

Каждый думал о своем. Я — о том, почему такой человек (при деньгах, с образованием, судя по всему) сидит и пьет ночью в компании с бездомным и угощает его, то есть меня, пятизвездочным коньяком. А он, видимо, о жизни. Скорее всего, о своей. Уж точно не о моей, хех.

— Почему ты живешь на вокзале, дед? — неожиданно спросил он, поворачиваясь. В его голосе не было насмешки.

— Я немногим старше тебя. Мне сорок четыре. — Пожал плечами. — Просто жизнь не сахар, вот и выгляжу не очень.

Где-то вдали прогрехотал поезд. Затем мужчина начал говорить, и я понял, что этот человек действительно устал. В свои тридцать девять он был духовно высушен и пуст, потому что успел повидать такое, отчего многие ломались гораздо раньше. Его голос звучал ровно, но в глазах читалась зна-

комая мне боль, которую тот давно научился прятать.

— Знаешь, мужик, — он сделал паузу, глядя куда-то вдаль, — я никак не могу понять, кто я? Иногда кажется, что я уже умер. Просто тело пока ходит, говорит, пьет эту бурду... А душа где-то далеко. В последние несколько лет чаще думаю об этом. Всю жизнь было как-то не до того, чтобы думать.

Он опять замолчал, а я не знал, что ответить. Время будто остановилось. Только мы двое и бутылка коньяка. И тут он начал рассказывать историю своей жизни, которую мне совсем не хотелось прерывать. Всем иногда нужно выплеснуть самого себя, расплескать душу, чтобы другие растерли ее подошвами по асфальту.

Я вообразил его на театральных подмостках. Абсолютный мрак, столб света выхватывает его фигуру, а вокруг — пустота.

«Лихие девяностые», как их любят называть... Я их пережил мальчишкой, считай, всего-то двадцать лет. Не было у меня нормального детства. Будто мир перевернулся мигом. Еще вчера ты был пионером, а сегодня — выживай, как хочешь. Хотя и школу закончил, и лицей потом. Помню, мы с пацанами воровали яблоки у старика одного. Сад у него был огромный, богатый. Лезть боялись, но все же залезли. Пока совали по карманам, он нас и поймал. Ох, влетело мне тогда от мамки. Отца не было и в помине...

Да, бывали делишки криминальные, но все в пределах. В

общем, как у всех. Даже в Чечне побывал, чтоб в «Кресты» не попасть. Там быстро учишься отличать главное от пустого. А главное — просто оставаться человеком. Но ничего, справился, как видишь. Да это и неинтересно, собственно.

Лучше история, как я делал бизнес первый, а потом пытался пережить последствия. Да, покушение вещь херовая. Особенно, если киллер — твой телохранитель, а заказчик — бывший друг, да. Почему бывший? Так покойник уже ни с кем не дружит! В больнице потом валялся. Жена тогда каждый день приходила, чуть ли не ночевала у постели... Сидит, молчит, только руку мою держит. А в глазах страх: боится, что не выберусь. Кое-как пережил я это дело, короче. Пара дырок всего, зажило. Но внутри что-то сломалось.

Новый бизнес. Нулевые — начало новой жизни. Так я тогда думал.

С одним старым приятелем организовали маленькую фирму по продаже техники. Нет, никакого криминала, все честно. Мне казалось: ладно, в незаконных делах друзья от больших бабок предают и валят своих. А когда прибыль не особо — на жизнь хватает и хорошо... Зачем так? А нет, как говорится. Средства только меняются, а цели всегда одни. Пару лет мы потихоньку ползли в гору. Рынок техники развивался, конкурентов хватало. Но мне было все равно. Нормального автомобиля и Крыма, или Сочи, летом мне вполне достаточно. А вот Ленке, жене, нет. И Ваську, приятелю, тоже. Кстати, в наше новое время не часто называют детей

«Васей», не замечал? Или, например, Федей, как меня. Я, кстати, Федор Михайлович. Вот, думаю, наше время просто ушло, да. Не осталось почти наших простых советских ребят. Хотя, глядя на нас, видимо, и к лучшему.

К чему все вел... Как они вдвоем ту аферу провернули, я понял, что не осталось у меня теперь ни жены, ни приятеля. Эх, и умно же получилось! Да, немного денег на счету они мне оставили, чтоб с голоду не помер, ха. А так, наша счастливая парочка улетает скоро за границу. Хороший куш, чего и говорить.

Как только они мне это объявили, я уже и не хотел ничего. Понял вдруг, что так и надо. Судьба, ага, правильно говоришь. Они уже через пару дней подпишут с кем-то там бумаги нужные, и я превращусь в бездомного... А, извини. Ну, из песни слов не выкинешь. Только не горю желанием мстить, знаешь... Вот какая цель у меня была, а? Зачем появился в этом долбанном мире с такими людьми? Не говорю, что сам такой хороший, а они, сволочи, меня использовали. Совсем нет. Я тоже хорош. Вот только, ну, не может же быть, чтобы я просто так прошел такой путь! Стану бомжем без гроша, без друзей, без собственного достоинства, наконец! А кому от этого хорошо? Ведь не этим двум, точно. Уверен, не будет у них все так уж гладко. Деньги душу разъедают...

Да, извини за такие слова. Знаю, что ничего, что ты привык, что думаешь также. Только мне совсем не легче. Еще в школе мечталось: вырасту, стану большим и сильным. Обя-

зательно помогу детям-сиротам, которые в детских домах. А не успел. Да и не думаю, что в ближайшие годы вспомнил бы. И свой не появился. Не успели с Ленкой. И к лучшему, видимо. Думаю, не стала б она тогда такую кашу заваривать. Хотя Бог ее знает, что у стервы на уме.

Знаешь, иногда кажется, что вся моя жизнь — это одна большая ошибка. Или может урок, который прогулял да так и не выучил. Но ни о чем не жалею. Потому что без всего этого я не был бы здесь. Не сидел бы сейчас с тобой, не пил бы этот коньяк, не говорил бы то, что никогда никому не говорил. Может, в этом есть какой-то смысл?»

Он закончил слишком быстро. Резко оборвал монолог. Погасли со щелчком софиты, встали с мест зрители. Театр опустел.

— Вот так вот, — добавил Федор и окончательно развеял магию момента.

Я не мог ничем помочь такому человеку, безусловно, сильному и волевому. У меня была совершенно иная и более простая жизнь. И разницу в опыте не компенсировать ничем. Умиравший в пустыне может посчитать смерть в море более привлекательной.

Но я все же решил поделиться с ним своей историей. Не из вежливости, а потому что его судьба была практически зеркалом моей. Заменить имена, декорации, некоторые факты — и готово. Наш путь до этой самой точки, где мы пьем из одной бутылки, оказался одинаков. Я рассказал ему про то,

что тяготило, про мать, про брата, про несбывшиеся мечты и алкоголизм.

— И сейчас тоже бухаешь по-черному? — почти утвердительно сказал Федор.

— Почти нет, — поколебавшись, честно ответил я. — Зимой, случается, рюмочку могу пропустить. Знаешь, проще согреться. А так...

— Бросил, значит. — Он засмеялся, но смех вышел безрадостным. — Ну хоть так.

Бутылка потихоньку пустела. Мы смотрели на изредка проезжающие внизу машины. Их фары резали темноту, как вспышки чужих жизней, мимолетных и далеких. Вновь каждый думал о своем.

Скоро рассвет. В груди появилась странная пустота. Не горечь, не обида, а просто осознание, что совсем скоро наступит точно такое же «сегодня».

— Ладно. — Федор поднялся, выкинул в грязь пустую тару. — Спасибо тебе. Пойду уже. Светает.

Я тоже поднялся. Повалил снег.

— Не за что. Надеюсь, у тебя все наладится. И знаешь, каждый человек обязательно для чего-то рождается. А у тебя все впереди.

Он обернулся, в его глазах мелькнула не надежда, а слабая ее тень. Сказал: «Хочется верить». Я же запахнул ветхую куртку и пошел назад к вокзалу.

Зима — это ничего. Переживу. Уж я-то знаю.

После стольких лет нищенского существования, после морозных ночей в подвалах, подворотнях, укутавшись в какую-то ветошь, когда боишься заснуть и ждешь утра, чтобы не замерзнуть... После всякого, о чем и вспоминать бывает стыдно, я устал во что-то верить. Зачем, когда знаешь, что все движется по бесконечной спирали. Появляется апатия по отношению к самому себе.

Ты просто знаешь, что и весна придет, и тепло будет. Главное — дотерпеть. На холоде не чувствуешь пальцев, но скоро они обязательно оттают. Холода — это не страшно, потому что они проходят.

Тем утром я подобрал грязного трясущегося котенка рядом с магазином. Продавщица, дородная тетка, вышедшая покурить, пнула его прочь от дверей. Казалось бы: женщина, должна жизнь уважать, даже маленькую.

Успел взять на руки малыша, а тетка так злобно рыкнула, что и мне не по себе стало.

— Че вылупился? Иди давай! — она глянула на меня так, будто я украл у нее нечто важное.

Вообще у меня не было определенной цели, куда идти. В самые лютые морозы уборщицы магазинов, случается, пускают погреться. А так обычно мы сидим под стенами или за автобусными остановками. Хотя многие прямо с утра находят деньги и потом лежат за остановками, а не сидят.

А весной хорошо, да. Можно безбоязненно греться на асфальте, не боясь помереть через неделю от воспаления. Вес-

на у нас всегда теплая. И люди более яркие вещи носят, и улыбаются чаще. Даже такие тетки...

Но этой зимой снега намело столько, что даже на привокзальную площадь трудно попасть автомобилям. Еще и пропускной режим ужесточили. Только нас, пеших по определению, это не касается. Ну, из-под дверей выгоняют, это да. А так, когда сидим по углам, тогда не трогают.

Я искал хоть какой-то уголок от ветра. Котенок в моей старенькой куртке — не пуховик, а тертая-перетертая кожанка — мелко трясся.

Мы примостились за аптекой, что стояла отдельно от прочих магазинов и закусочных. Между ними как раз оставалось метра полтора свободного места, и не так сильно дуло. Я примостился на потрепанную сумку: специально ношу ее, чтобы сидеть. Это маленький остров стабильности в моем мире. В сумке пара носков, чай, спички и газета — все, что нужно, чтобы пережить еще одну ночь.

Так мимо прополз целый день. Вечерело. Зажигались по-немногу огни. Вокзал никогда не спал, а значит не спали и его обитатели, чтобы не пропустить посетителей. Где-то за углом раздавался смех, звенели бутылки. Жизнь шла своим чередом, а я сидел, грел котенка и думал, что может в этом и есть смысл? Просто быть здесь, просто дать кому-то тепло, которого так мало вокруг?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.